

Марина Хробот

Женский авантюрный роман

БЕРЕГИНЯ СЕГОДНЯ

*Каждый день мы изменяем природу
Каждое мгновение природа изменяет нас...*

Марина Хробот
Берегиня сегодня

«Автор»

2020

Хробот М.

Берегиня сегодня / М. Хробот — «Автор», 2020

Из далёкой Якутии в Тверскую область возвращаются Маша с братом Толиком и их приятель Кирилл. После раскопок они везут несколько сотен килограммов бивней мамонта. В пути их настойчиво просят подвезти до Москвы девушку Анну. Она необычайно обаятельна и обладает даром целительницы, Берегини. Анна сбежала из Зоны Топь в Якутии, где добывают уран и проводят эксперименты над людьми. Теперь на девушку идёт охота. Сама Зона Топь аномальная и люди здесь живут и работают необычные. Такие разные молодые женщины Маша и Анна сдружились и им предстоит пережить много приключений.

© Хробот М., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

34

Марина Хробот

Берегиня сегодня

*Каждый день мы изменяем Природу, и каждый миг Природа
изменяет нас.*

Поминая сквозь зубы всех родственников разом, я из последних сил тащила из болота за собой вверх на сопку две сумки на колесиках. Жадность – одно из самых сильных чувств, и я нагрузилась килограммов на двадцать. Кирилл волок в полтора раза больше, и его тяжелое дыхание подталкивало меня в спину. Каждый звук отдавался гулким эхом в пластах прохладного утреннего тумана. Моросил мелкий дождь.

Длинная низкая сопка отделяла нас от отдыха. Забравшись наверх, мы легли на землю и всматривались в наши серые палатки и черный Кроссовер «Мерседес» внизу.

Белесые сумерки, которые в августе здесь заменяют ночь, заканчивались. Якутская лесотундра просыпалась. Справа от нашего лагеря лениво затыкал облезлый и сытый по случаю лета песец. Из пролеска справа вышел на опушку медвежонок и принялся рык рассерженной мамы заставил его вернуться к ней. Значит, все спокойно.

Но я не спешила. Не потому, что чего-то боялась, нет, в этой глуши нас мало кто мог проверить на предмет изымания нашей добычи... Сейчас, в этот момент, лежа животом на мягком серебристом мхе в невысоком кустарнике с пожелтевшей листвой, я с удивлением поняла, что авантюрная затея, придуманная два месяца назад, наполовину осуществлена.

Мне даже померещился прозрачный момантёнок, идущий вслед за мамой и держащий её хоботом за хвост. Рядом шли прозрачные взрослые мамонты. В длинной шерсти, с большими бивнями, она мерно покачивали головами.

С удовольствием вдохнув необыкновенно чистый воздух отсутствия цивилизации, я поняла, с каким удовольствием буду вспоминать запахи незнакомых трав, влажной земли, терпких ягод и прелых листьев в холодном болоте.

– Спускаемся. – Я старалась не смотреть на Кирилла, один вид которого вызывал во мне кучу комплексов. – Только осторожно.

Осторожно не получилось. Сумки, скрипя колесиками от возбуждения, рвались из рук, стремясь первыми докатиться до прогоревшего костра.

Я материлась в полный голос, Кирилл ругался громче меня. Мы мчались вниз.

Из туристической палатки вылез сонный Толик, мой невозмутимый квадратный братец. Равнодушно оценив наш сумасшедший пробег с сопки по бездорожью, он лениво потянулся, после чего сгрёб приготовленные на земле ветки и заново развел костер.

Я и мой брат отличаемся «земной» комплекцией. Нам слегка не повезло с ростом и внешними данными, зато мышечной массы на двоих столько, что хоть торгуй вразвес.

Затащив неподъемные сумки в палатки, мы с Кириллом переоделись из заляпанных глиной маскировочных комбинезонов в спортивные костюмы и завалились на подстилки у костра дожидаться законного обеда. Комбинезоны разложили у палатки. Пусть дождик их обмоет.

Толик быстро нанизывал на шампуры мясо и овощи.

Я провела ладонью по своему животу. За время экспедиции скинула килограмма три, не меньше. Конечно, другим этого не видно, но я-то знала, что процесс похудения всё-таки пошел.

У меня типичный комплекс девушки в тридцать лет – я полнею. При сидячем образе жизни, а работаю я бухгалтером, у меня страстная любовь к еде.

Не нервничаю – много ем, нервничаю – ем в два раза больше.

* * *

Невыразимое по красоте алое солнце вставало над волнистым горизонтом тундры и редких пролесков.

В особые минуты выбора, опасности или удачи – во мне просыпаются три внутренних голоса. У большинства нормальных людей внутренний голос один, и называют его интуицией. Бывает, что голосов два, и, если они между собой не договариваются, случается раздвоение личности. Мне повезло... внутренних голосов целых три штуки, но они настолько разные, что не мешают друг другу.

Голос номер один, солнечно-оранжевого цвета, всегда может надавить на остальные два своей рассудительностью и здравым отношением к жизни. Сейчас он подсчитывал расходы на экспедицию и предполагаемую выгоду.

Второй мой голос – сентиментально бирюзовый, эдакий эмоциональный мазохист и классический гуманист. Сейчас он ненавязчиво рекомендовал перестать маяться дурью, а, наконец-то схватить Кирилла за руку и увести за соседнюю сопку, прихватив одеяло, чтобы местная жесткая флора не впивалась нам по очереди в спины.

Третий голос, зевая, нудно настаивал: «наесться до отвала, крепко выпить и залечь спать». Болотно-зеленый, требующий спокойствия и сытости, его можно назвать трусливой ленью. Сейчас он гундел насчет Кирилла: «Губы не раскатывай, не подходящий момент, толстуха».

Всепоглощающе вкусный запах шашлыка вызвал сильнейшее чувство голода и на время заткнул все мои внутренние голоса. Все-таки приготовление еды на свежем воздухе – особый вид кулинарии. Угли костра дожаривали на шампурах нежное замаринованное мясо и жар щипал решетку-барбекю, с крупно нарезанными баклажанами, помидорами, луком и желтым болгарским перцем.

Толик разложил по эмалированным мискам шашлык. Кирилл с хрустом вскрыл трехлитровую пластиковую бутылку вина, купленную на рынке у молдаван, и налил в пластиковый стакан густую красную «Изабеллу».

Я надкусила сочный теплый кусок мяса и промычала:

– Какой же кайф, мальчики, я почти счастлива.

Кирилл, не отрываясь, выпил половину вина из стакана.

– И чего тебе не хватает, Манюня?

– Денег, мой дорогой, денег, – пожаловалась я.

Кирилл неспешно долил себе «Изабеллы». Каждый его жест необычайно изящен. Длинные худые пальцы, смуглая гладкая кожа рук под белой футболкой. Широкие плечи, профиль былинного русского красавца... Смотрела бы и смотрела.

– Мань, очнись, вино будешь?

Голос номер три завопил, зеленея от нетерпения: «Мне пол-литра! А лучше литр!»

Я представила, что со мной будет после выпитого вина... Мой организм не привык к алкоголю и мог повести себя неадекватно.

Вдруг не смогу себя сдерживать, начну сопливо признаваться Кириллу в любви, а он, стыдясь своего равнодушия, станет оправдываться, почему с его стороны никаких чувств ко мне у него нет и быть не может... Мое самолюбие этого не вынесет... А я, обидевшись, запросто могу и в глаз дать.

– Нет, Кирилл, я буду очень крепкий чай. А вино пей один. И пора ехать, еда и время на исходе.

Доев своё мясо, которое Толик брал из миски пальцами, и, зажевав сочным обжаренным баклажаном, довольно сощурил глаза и сытым голосом похвалился:

– Пока вы ковырялись в болоте, я, бляха муха, напили ещё сорок две баклуши по метру длиной. Два диска затупил, японские, в ядрёные острова их промышленность.
– Молодец, Толя, – от души похвалила я.

* * *

Мой черный джип-кроссовер «Мерседес» спокойно наворачивал километры, пренебрегая неровностями треснувшего от старости асфальта. Глаза слипались, но я крепилась. Оранжевый голос внушал, что расслабляться еще рано.

Толик, вёл джип и зевал во весь рот, демонстрируя крепкие зубы.

На заднем сиденье дремал Кирилл. Я смотрела на него в зеркало заднего вида и млела от счастья, как троечница-семиклассница при виде «на всю жизнь» любимого киношного-телевизионно-эстрадного кумира.

Моё расслабленное настроение прервал телефонный звонок. Мы все вздрогнули.

Последние четверо суток наши сотовые молчали, не воспринимая сигналов, летающих в пространстве. Я включила трубку.

– Алло... ш-ш-ш... Манька?... ш-ш-ш...

Сквозь сплошное «ш-ш-ш» определить голос вопрошающего было невозможно, и я глупо переспрашивала смартфон.

– Алло, кто это?

– Ш-ш-ш... твою мать... – прокомментировал звонивший.

– А-а! Здравствуй, папа Боря! – Родной голос, неожиданно прозвучавший среди бескрайнего пространства, был особенно приятен. – Спасибо за привет от мамы. У вас все нормально?

– Нормалёк!.. Ш-ш-ш... спутниковый... ш-ш-ш... Толику, – не сдавался наш отчим.

– Спасибо! – прокричала я. – А как мой сыночек Данила?

– Хорошо!.. – в ответ надрывался Борис Иванович. – Ш-ш-ш... балуется. – И тут что-то переключилось в телефоне, и мне в ухо заорал голос папы Бори: – Как меня слышно?

– Отлично! – радостно закричала я в ответ.

И, конечно же, в эту же секунду связь оборвалась. Толик скосил глаза в мою сторону:

– Что там?

– Тебе от папы Бори и мамы огромный привет. Наш отчим купил новую игрушку – спутниковый телефон. Твой племянник Данила балуется.

– Угу, спасибо за приветы.

Я не стала перезванивать, зная, что за тысячи километров от родного дома слышимость все равно будет отвратительной, а с моего телефона снимут последние деньги. И хотя многие хорошие знакомые зовут меня «жмоти́на», с ударением на букву «и», я с ними не согласна. Я экономная, в маму. У нас другого выхода не было, как стать такими.

В детстве мама считала не то что каждый рубль, а каждую копейку. Родной папа работал в нашем УЭК, раньше называемом ЖЭКом инженером-аварийщиком и пил. Много пил. И на свои, и на мамины. А я донашивала одежду за детьми наших соседей, родственников и знакомых.

Легче стало после того, как папуля, обидевшись на нравоучения жены и соседей, решил навестить в деревне свою маму, мою ненаглядную бабушку Марию Матвеевну, о которой он вспоминал два раза в год, на Новый Год и на свой день рождения, ожидая подарков.

В деревне он, как всегда, вошел в месячный запой вместе со своей «первой школьной любовью» Люсей. После полнейшего, в ноль, пропоя он вернулся в нашу квартиру в Осташкове, подчистил шкатулку с семейными накоплениями и снова вернулся в деревню.

Через полгода позвонила моя бабушка, и с прискорбием сообщила, что её сыночек Серёжа окончательно ушел «на свободу», то есть бесконтрольно пьёт, а его подруга Люся глубоко забеременела. Радость избавления от алкоголика в семье перевесила у мамы трагедию исчезновение колечек и денежной заначки.

Папина собутыльница родила моего сводного брата Толю, как ни странно, абсолютно здоровым.

Почти двадцать лет тому назад наш с Толиком папаша умер по пьяни. Не выдержала печень. Толикина мама «поминала» мужа два года и продолжала бы горевать, сидя у бабушки на худеющей шее, но ангел-хранитель Люси потерял терпение и «прибрал» в лучший мир. Никто по ней, как и по отцу, особо не страдал. Родителей у неё уже тогда не было, а брат сбежал в Саранск и забыл о спившейся сестре.

Бабушка смогла выдержать воспитание «родного внука» три года. Сбагрив Толика на два дня соседке, она приехала к нам в Осташков. Войдя в квартиру, она первым делом строго спросила бывшую невестку:

– Где Машка?

– В школе она ещё, Мария Матвеевна, десятое сентября на дворе, а она ждала вас на первое, – отвечала мама с укором.

Бабуля тут же сложила руки на пиджаке, прикрывающем чёрные джинсы, и запричитала:

– Какое первое сентября, Катя! Я больше не могу! Катя! Я родила Сережку в сорок лет и забаловала парня, а он тебе жизнь испортил. Но Толик-то не виноват! – Не находя на лице бывшей невестки немедленного понимания, бабушка резко сменила тон: – Я на Толика и Машку отпишу дом в равных долях. Ты помнишь, дом у меня двухэтажный, скотный сарай, хоть и пустой, ледник на дворе, туалет в доме и нужник, для страховки, на улице.

Маме дом в деревне очень нравился. Единственный недостаток – он находился аж в Мордовии, под Саранском, в Атяшеве.

Тридцать лет назад мама поехала туда после института по распределению экономического института – руководить сельмагом. Тогда-то она и «сорвалась» на папе. Влюбилась с первого взгляда. Как только мама поняла, что через девять месяцев появится следствие ночей любви, она тут же отвела моего папашу в ЗАГС.

Больше всего радовалась «замужеству» отца моя бабуля. Мария Матвеевна надеялась на скорое избавление Серёженьки от дружков и самогона. Зря. От дружков мама отца избавила, переехав на родину, в Осташков, а вот самогонка потянулась за отцом в виде водки. Хотя, маме иногда удавалось отобрать у отца деньги и подсунуть с утра крепкий сладкий чай с лимоном.

* * *

Сейчас бывшая свекровь стояла в коридоре, напротив нее, сцепив руки, и не собиралась уходить, не добившись своего.

– Давайте, Мария Матвеевна, подробнее, – сдалась мама, зная бабушкин характер. – Что конкретно вы задумали.

– Возьми Толика к себе, в деревне он пропадет, – с нажимом заявила бывшая свекровь. Маму шатнуло к дверному косяку.

– То есть как так – возьми?

– Он же брат Машеньке! – Не переставала причитать бабуля. – Пожалей его, Катя. Ребенок остался без родителей. Спились начисто!

– Не я мужу наливала, – попыталась воспротивиться напору мама, но бабушка её не слушала и протянула свой паспорт.

– Ты забыла, Катя, сколько мне лет? Семьдесят пять, и я болею... – Посмотрев в потолок, бабушка тяжело вздохнула. – Опять у тебя люстра пыльная. – И тут же переключилась на жалобы. – Мне немного осталось. А Толика придется сдавать в детский дом. Забери его, Катя.

И мама взяла Анатолия к нам. Не знаю, сколько раз она пожалела об этом. Ни я, ни Толик, ни разу не слышали от нее жалоб. А Толик стал звать мою маму мамой ровно в ту минуту, когда бабушка ввела его в нашу квартиру.

Бабушка, пока везла его из деревни к нам, в Осташков, так и говорила: «Мы едем к твоим маме и сестре». Маленький Толик поверил.

Деревня, из которой его вывезла бабушка, вздохнула с облегчением, особенно утки, которых он купал в пруду без их на то воли, и соседские девочки, которым он на подоконник, а если рука не дрогнет, то и на кровать, подкидывал квакающих лягушек.

И ещё двенадцать лет мы ездили на лето в Атяшево собирать грибы и пропалывать огород под чутким руководством бабули. По осени она отправляла нас обратно домой с двадцатью трёхлитровыми банок овощных консервов и наволочкой сушеных грибов.

В школе мы с братом учились ровно – с тройки на четвёрку, но Толику было легче, он аккуратно переписывал решенные задания из моих тетрадок, в свои.

В установочные двухтысячные года, в продовольственный магазин, где директорствовала мама, пришел новый бухгалтер – бывший изобретатель мелкой техники, Борис Иванович. Мама приглядывалась к нему два месяца, а затем женила на себе. Отчим и стал настоящим отцом для меня и Толика.

Одиннадцать школьных классов за брата закончила я. Анатолий к этому времени увлекся бодибилдингом, проводил время в «качалке», не пил и не курил, «накачивал мышцу».

Наш любимый отчим-папа в 2011 году вернулся в свой экспериментальный институт и продолжил изобретать что-то сельскохозяйственное. А четыре года назад начался фейерверк его успеха. Папа Боря получал одну за другой весьма приличные премии. Мама вложила его деньги в покупку большой квартиры в Твери и в собственный магазин, с удовольствием уехав из Осташкова, где, как она говорила «мне стало тесно».

Мы с Толиком с мамой не поехали, мы пристроились продавцами в магазин строительных материалов и нам здесь понравилось.

В общем, привычка всё по десять раз пересчитывать и экономить у меня в маму.

Мама так разволновалась, когда узнала, что летом мы едем в Якутию, как будто впервые отпускала нас одних в школу, до которой придется переходить две дороги и обе без светофора. Борис Иванович, наоборот, благословил. Ему нравятся все мои начинания, он почему-то верит в мою разумность. Я отчима тоже люблю. Бескорыстно. Хотя, когда он одолжил мне денег на кроссовер «Мерседес», а через полгода отказался взять деньги, я полюбила его еще больше.

Единственное, что смирило маму с нашей с братом «экскурсией», был переезд к ней в Тверь Данилы. За время нашей «командировки» она затаскает беднягу Даньку по музеям и театрам и, не дай бог, осуществит свою мечту и запишет пацана в балетную школу. У меня такой красивый сын, что нечего ему делать среди балерунов... знаем мы их специфику.

* * *

Дождик кончился, и сразу стало теплеть. Пейзаж за окном постепенно менялся. Все чаще появлялись пролески, деревья становились выше, солнце припекало сильнее. Ветер горячим феном поднимал мои волосы с плеч.

...И тут справа, из пролеска высоких лиственниц с желтыми иголками, вышли на дорогу двое мужчин.

Толя резко затормозил, и Кирилл воткнулся головой в переднее сиденье. Меня откинуло в сторону правой дверцы.

Мужчины на дороге старательно улыбались, демонстрируя дружелюбие. Интересно, где они в глуши Якутии смогли купить летние светлые костюмы из хлопка?

В окно автомобиля потянуло дорогим парфюмом.

– Ребята, выручайте, – с искренним беспокойством заговорил мужчина постарше, наклонившись к Толику. – Мы выехали на пикник, а машина, черт бы ее побрал, ведро с гвоздями, обратно ехать отказывается. Нам-то по фигу, мы в отпуске, а вот сестре моей срочно нужно в Город. Он так и называется – Город. Здесь недалеко. Подвезите, пожалуйста.

Мужчине было в районе сорока лет, и выглядел он каким-то... слишком лощеным. Помимо дорогого костюма и парфюма, обращал на себя внимание ровный, нездешний загар, типичный для солярия, но не для лесотундры. И просил этот мужчина как бы понарошку, но чувствовалось, что ему последние лет двадцать не приходилось никого ни о чем просить, только приказывать.

Второй был моложе и проще лицом. Но и он не производил впечатления «наивного сельянина». Взгляд строгий, костюм с иголки, ботинки дорожные.

Толик флегматично косился на меня. Кирилл тревожно оглядывал окрестности.

Старший из мужчин говорил быстро, предупреждая возможный отказ с нашей стороны.

– Телефоны в этой местности не берут, машины ездят редко. Да и страшно сестру с дальнобойщиками отправлять. А вы с такой милой девушкой. – Махнув в сторону лесочка, мужчина властно позвал: – Аня! Сестрёнка! Иди сюда!

Последние фразы он говорил, глядя прямо мне в глаза, правильно вычислив, кто будет принимать решение.

В редком пролеске маскировался военный «газик». Ну, точно! Они же военные, только в штатском. Подтянутые, подкачанные, коротко стриженные, с белой полосой без загара на лбу. От фуражки.

Разговаривать сидя стало как-то неприлично, и мы вышли из машины.

* * *

Первым внутри меня очнулся интуитивный бирюзовый голос: «Ах, Маша, необходимо помочь людям. Смотри, какие они интеллигентные и дружелюбные». Тут встрял невозмутимый оранжевый голос: «С какой такой радости мы должны проявлять гуманизм к незнакомым людям, на краю географии, и, не дай Бог, бесплатно?»

Третий голос лениво забормотал: «Правильно, правильно, валить отсюда надо. Ну их, к бесу, дорожные приключения».

Я приготовила фальшиво-милую отказную улыбку, но тут Кирилл, глядя в пролесок, неожиданно проникновенно сказал:

– Боттичелли, «Афродита».

У Толика просто отвисла челюсть.

Из-за деревьев вышла девушка, вернее молодая женщина... Средний рост, русые золотистые косы чуть ниже плеч, правильное лицо и удивительно спокойный взгляд.

Легкий ветер оживил белое крепдешинное платье в красный горох и выбившиеся локоны волос.

Военный продолжал частить, уговаривая:

– К нефтяникам сажать её боюсь. Тронуть не тронут, но гадостей наговорят обязательно. А она, то есть Аня, девушка нежная, впечатлительная.

Кроме меня, никто не заметил выражения лица Анны. А девушка искренне удивлялась своей характеристике. Хотя какой же он, этот дядя, родной брат ей, курносой блондинке с бело-бархатной кожей, если у него темные волосы, нос прямой римский, а кожа смуглая.

Болотно-брюзжающий голос номер три икнул, спеша предупредить: «Маняня, ну её на фиг, благотворительность на дорогах. И вообще, разуй глаза, она же красивая, эта девушка! Поехали быстрее в город, очень кушать хочется».

Оранжево засигналил первый голос: «Вот именно – пора ужинать. Бесплатно никто не накормит, опять придется тратить деньги. А может, за девушку прилично заплатят? Лишний рубль карман не тянет!»

Не знаю с чего бы, но мой обычно молчаливый брат решил принять участие в разговоре.

– Отлично вас понимаю, блин, ребята, у меня, видите, тоже сестра. Она, бляха муха, не такая нежная и даже может постоять за себя... Но все равно я часто за нее волнуюсь.

Нет, это уже не лезло ни в какие ворота. Чтобы мой братец делился эмоциями с незнакомыми людьми на пустой трассе, на краю света?... Странно.

Я подняла правую руку, останавливая ненужный треп. Военные смотрели на меня настороженно. «Сестренка», в отличие от них, совсем не волновалась и доверчиво улыбалась. Я задала конкретно-ясный вопрос, продиктованный оранжевым голосом:

– Сколько заплатите?

Более старший по званию и возрасту мужчина сощурился:

– А вы, собственно, куда едете?

– В Осташков, – ответила я, остро ощутив тоску по жаркому августу в наших краях и запаху тёплой свежей воды с Селигера.

Мужчины недоумённо переглянулись.

– Это где же город со странным именем Осташков? До Урала или позже?

– Это на озере Селигер, Тверская область. – Обидевшись на термин «странный», я вспомнила Булгуныхтахом, мимо которого мы проезжали, и речку Банька в Подмосковье. А моя однокурсница, так вообще родилась в Татарии в селе Чемодурово. – Осташков, город в пятистах километрах от Москвы, три тысячи километров отсюда. Подходит?

Второй мужчина, тридцатилетний блондин, кашлянув, уточнил:

– Вы едете на машине до конца или пересядете на поезд?

– На машине, до конца. – Я улыбнулась. – Устраивает?

Молодой мужчина откровенно обрадовался.

– Ха! Вот это да! Вот это повезло! А за проезд сколько возьмете? Только не до Осташкова, а до Москвы.

Пришлось задуматься. В машине мирно лежал груз тысяч на сто евро, и лишний свидетель вроде бы ни к чему, но бирюзовый голос ласково напомнил, что, как показывает жизненный опыт, чем больше в машине женщин, тем короче разговор с гаишниками.

– До Москвы тысяча евро.

Удивились все. И я тоже.

Мужчины и девушка обменялись взглядами. Показали бы эти взгляды в мистическом боевике, зритель бы не сомневался, что идет телепатический сеанс. Старший в их компании отодвинул полу пиджака, и под ним стала видна светлая кобура с темнеющим пистолетом. Толя и Кирилл даже не шелохнулись. А мужчина достал довольно плотную пачку денег из кармана брюк и отсчитал от нее двадцать купюр по пятьдесят евро.

– Держи. Ровно штука, – и он замер с пачкой вожденной валюты руках.

В эту минуту я почти с любовью посмотрела на Анну. Оранжевый голос победно пульсировал: «Вот она, наша бесплатная цистерна с бензином! И пять литров лучшего масла для двигателя!»

– Толик, возьми деньги. – Я повернулась к девушке. – Аня, иди сюда. – Мне с первой секунды знакомства стало невозможно называть девушку на «вы», только «ты», настолько близкой казалась Анна.

Девушка послушно подошла. Ну до чего же она чистенькая, молоденькая, интеллигентненькая... Я на ее фоне выглядела дояркой перед барыней. Не люблю таких... Завидую.

Толик, не считая взял, у военного деньги и засунул их в «кенгуриную» сумку на животе. Я открыла багажник и расстегнула «молнии» на сумке с нашими вещами.

– Тебе, Аня, придется переодеться. Не нужно выделяться на нашем фоне своим красным горохом. Надевай шорты Кирилла, в моих ты утонешь, а тёплую рубашку возьми у брательника.

– Переодевайся, – смуглый мужчина Аня с удовольствием вдохнул осенний воздух. В Якутии осень начинается, как только сокращается световой день. – Девушка дело говорит. А я пока принесу твою сумку.

Военный быстро сбегал к машине и вернулся с дорожной сумкой, которую поставил перед Анной. Какой взгляд он кинул на нее! Ничего похабного, только искренняя обеспокоенность за судьбу и... еще что-то очень, очень хорошее.

Болотный голос вяло зевнул и подытожил: «А на тебя так никто никогда не смотрел, блин».

Анна послушно стянула с себя платье, отдала его загорелому мужчине и стояла в трусиках и бюстгалтере девственного сельского фасончика прошлого века. Через минуту Анна переделалась в обыкновенную одежду. Красота ее не исчезла, но поблекла. Обаяние осталось.

Двое мужчин со стороны Анны, и двое с моей, молча глядели друг на друга.

– Пора ехать, – оборвала я их взаимный гипноз. – В Москве мы должны быть через трое суток, делая по тысяче километров в день. Сутки оставляю на форс-мажорные обстоятельства.

Анна благодарно поцеловала мужчин.

– Пока, Геночка, пока, Сашка.

Старший, которого Анна назвала Геночкой, осторожно взял меня за локоть.

– Я... Мы тебе все будем по гроб жизни обязаны... за...

Я снова оценила качество его духов, посмотрела в тёмные глаза. Вот в кого надо влюбляться, в уверенного сильного и неглупого мужчину. А я втюрилась в нервного и неустроенного Кирилла.

Освободившись от руки Геннадия, я кивнула:

– Поняла, не объясняйте.

Саша по очереди пожал руки Толику и Кириллу и протянул руку мне.

– Спасибо.

– Пока не за что, – ответила я. – Блин, я, кажется, сделала хорошее дело. Особенно радостно, что за деньги. – Ребята, садимся в повозку! У нас три тысячи километров впереди!

* * *

Черный «Мерседес» отъехал, и двое мужчин, стоя на дороге под редким солнцем в это время года, долго смотрели вслед автомобилю. Геннадий надел темные очки.

– С богом. Пойдем, Саня.

Мужчины вошли в пролесок. Спокойно шумевшие лиственницы неожиданно замерли и, вздрогнув, сбросили серпантин ярко-желтой хвои, на пружинящий под ногами мох.

Военный «газик» стоял на полянке, под колесами выступила черная вода. Саша сел на место водителя, Геннадий рядом.

– Интересная у этих ребят атаманша. Я почему-то ей поверил.

– Главное, Гена, что ей поверила Анна. – Саша облегченно вздохнул.

Минуты две они спокойно сидели и курили в открытые окна. Привычно затушив бычок в специальный контейнер, Геннадий посерьёзnel.

– А где медикаменты? Наше алиби должно лежать на самом видном месте на заднем сидении при въезде в Посёлок.

Откинув контейнер с бычками на заднее сидение, Александр завёл машину.

– С медикаментами полный ажур, они в багажнике, я ящики попозже переставлю. Только для убедительности давай заедем в поселок нефтяников. Там водка всегда не палёная и вискарь есть.

Геннадий достал из кармана портмоне из кожи анаконды, пальцем провел по ряду купюр.

– Там колбаса хреновая, ананасы гнилые и конфеты просроченные. Наши поселковые дамы обидятся.

Александр стал аккуратно выкручивать между высоких лиственниц на асфальт.

– Сегодня удачный день, и колбаса даже там должна быть приличная. Мы же полдня, с десяти до двух на дороге простояли, ждали чуда. И, заметь, дождались. Везуха, по теории вероятностей, держится сутки, то есть в нашем случае она продлится часов до одиннадцати вечера... а там – отбой.

Геннадий снял темные очки.

– Ладно, поехали к нефтяникам. За час обернемся. Без конфет и колбасы нам не дадут житья.

* * *

В Посёлке Топь стоял кипишь. Сержанты бегали, офицеры смотрели друг на друга ошалевшими глазами.

У въехавшей на территорию поселка машины полковника Геннадия Лебедева и майора Александра Доренко, возник майор Эдик Сурков в военной форме. Нервничая, и постоянно оглядываясь, он громко докладывал.

– Представляете, мужики, сбежала наша Анна.

– Да ты что? – театрально удивился Александр. – И как это?

– Пошла, значит, она мыться в общий душ. – Докладывал Сурков, сжимая губы, растягивающиеся в улыбке. – У нас же котельную ремонтируют, и ей в доме выключили воду. Вот. Заперлась она, мля, одна в помывочном блоке. Через два часа дежурный заглянул в душ, а там – ёперный театр! – никого. Когда генерал-лейтенанту Аристарху Кирилловичу доложили, он чуть ли приказ о моем расстреле не отдал, я ведь сегодня дежурный по посёлку... Майор, а вы вискарь привезли?

– А как же! – Почти крича отвечал Александр. – И виски, и водку и медикаменты и даже конфеты в коробках. Всё по списку!

* * *

Мы ехали по пустой трассе, наслаждаясь солнцем и тёплым ветром начала осени. Я повернулась к Анне.

– Музыка поставить? Ты какую любишь?

– Любую, но хорошую. Хоть рок, хоть попсу, хоть классику. – Анна продолжала чуть-чуть улыбаться. – Главное – хорошую.

– Поставь, Маня, сборник хитов. – Раздался с заднего сидения голос Кирилла, от которого у меня побежали мурашки желания. – Угодишь всем сразу.

Толик, дремавший рядом с другом, только согласно угукнул.

Под голосащих мальчиков из группы «Челси»: «Милая моя, моя, самая любимая...» наш автомобиль несся по практически пустой трассе.

«Чую я одним толстым местом... – затянул свою песню трусливый голос. – С этой Анной наши приключения только начинаются». «Ах, как гуманно мы поступили! – сюсюкал бирюзовый голосок. – Приключения бодрят и необходимы для жизненного тонуса».

Оранжевый голос быстро заткнул другие: «Главное, чтобы это недорого стоило... а «то самое место» у нас одно на всех и его нужно беречь».

* * *

Семидесятилетний Аристарх в расстёгнутом полевом комбинезоне, надетом на солдатскую майку, сидел за рабочим столом. Мрачный. Идеальный канцелярский порядок стола нарушало блюдо с виноградом и разрезанными яблоками, и три серебряные стопки около фигуристой бутылки французского коньяка.

За рядом стоящим совещательным столом разбирал бумаги Лёнчик. Внешне – излишне идеальный компьютерный герой, а внутренне – абсолютный, доведённый до совершенства эгоизм.

Войдя в кабинет, Геннадий подошел к столу. На Лёнчика старался не смотреть, не желая портить себе настроение. Ведь именно он, полковник медицины, Геннадий Лебедев, стал тем самым профессором Преображенским, который сделал из дворового приличного пса потенциального «смершевца» Шарикова.

Лёнчик, помимо мании величия и равнодушной жестокости, обладал еще двумя качествами, усиливающими его темные стороны, – прекрасными внешними данными и уникальным здоровьем. Его кровь со временем стала лечебной, и генерал Аристарх нуждался в ней.

Генерал разлил коньяк, приглашающим жестом показал на стопки. Первым подскочил Лёнчик, опрокинул в себя коньяк:

– Ваше здоровье, генерал.

Гена, смакуя, сделал первый глоток ароматного напитка тридцатилетней выдержки.

Аристарх выпил коньяк как микстуру, выдохнул.

– Ну что, просрала Аньку?

– Никуда не денется, найдем, или сама прибежит, – со злостью выпалил Лёнчик.

– Моё мнение вы знаете, мы не имели права ее здесь задерживать. – Гена допил коньяк. – С ЧП, то есть с её побегом, меня ознакомили. Спасибо за коньяк. Пойду я разбирать купленные утром медикаменты.

Аристарх стукнул пустой стопкой по столу.

– Слушай, доктор, а не ты ли, случаем, помог Анне сбежать из Поселка?

Геннадий, уже у дверей кабинета, обернулся на генерала. Они оба питали друг к другу сильные искренние чувства профессионального уважения и человеческой ненависти. Но оба были настолько привязаны личностными, денежными, медицинскими и многими другими факторами к пространству земли, официально называемому «Зона Топь», что оставалось только мириться с присутствием друг друга.

Геннадий улыбнулся генералу.

– Ане? Смог бы – помог бы. Не сомневайтесь.

* * *

Как только за Геннадием закрылась дверь, Лёнчик разложил перед генералом листы.

– Я тут для своей командировки наметил план передвижения по населенным пунктам, которые вы мне перечислили. Подсчеты произвел, тактику поисков и доставки изложил. Основное направление – Белоруссия, там за детдомовскими детьми самый плохой надзор среди славянских стран. Хотя, в последнее время большие надежды вызывает Украина. Но здесь может возникнуть языковой барьер. Они в последние десять лет все стали говорить на украинской мове, хотя и с большими ошибками...

Генерал без интереса посмотрел на распечатки с информацией.

– Да подожди ты со своей Белоруссией, и особенно с Украиной, никуда они пока не денутся, надеюсь. А вот если побег Анны из Топи организовал Гена, мы ее долго не увидим.

– Господин генерал...

Лёнчик начал злиться. Он всегда злился при упоминании имени Анны. Чем она лучше его, самого красивого и умного мужчины на этой планете? Но Анну все любили, а его – нет.

– Ты чего застыл? – прервал размышления Лёнчика генерал. – Компьютер в голове завис?

– Я думаю – сбежала так сбежала, и пес с ней. Всё равно вернётся, ей же без нашей радиации не жить. Но вы же, Аристарх Кириллович, придумали гениальный план для добывания нового лекарства. Через две недели я привезу вам новый биоматериал, детишек на первый раз думаю взять три штуки, и пока забудем про Аньку. С ней больше проблем, чем пользы.

– Хорошо, – генерал отщипнул виноградину. – Действуй, и помни, о чем мы договорились. Детдома – это хорошо, но, если почувствуешь нужные нам качества в ребенке даже при родителях, все равно вези сюда, не размазывай сопли. Только местным бабам не говори, поднимут бунт.

Лицо Лёнчика изменилось, стало самоуверенно-неприятным.

– Вот одного не понимаю. Зачем родителям урод или умственно неполноценный ребёнок? Моя мать меня, когда я еще был идиотом, терпеть не могла. Стыдилась, унижала.

Аристарх снова отпил коньяк, и его взгляд задержался на своих артритных пальцах с распухшими суставами.

– По-разному бывает. – Генерал рассматривал сложащийся ноготь на пальце, банальные рассуждения Лёнчика его мало интересовали. – Не тебе судить. Это ужасно, но я безостановочно старею.

Положив бумаги в папку, Лёнчик сел напротив генерала, взял придвинутую рюмку.

– Все стареют, это естественный процесс.

– Не зли меня, Леонид, я слишком быстро старею. Вылетаешь из Зоны завтра.

– Аристарх, – Лёнчик сложил руки поверх папки, и генерал с завистью посмотрел на его сильные руки и блестящие ногти. – Вы учтите, что ваш организм изношен возрастом и природными особенностями нашей Зоны. Тело может не выдержать. Сейчас вы получали материал от Ани и меня, и разница в возрасте составляла сорок лет. С детьми разница подойдет к шестидесяти, и неизвестно, будет ли совместимость.

Генерал побледнел, руки его дрожали.

– Ты... ты, неуч подзаборная, ты кого учишь? Меня? У меня звание академика, я хозяин спецзоны, а ты...

– А я, – Лёнчик встал, аккуратно придвинул стул на место. – Я ваше средство выживания. И если бы не моя и не Анькина кровь, вы бы загнулись еще три года назад.

Лёнчик вышел из кабинета, тихо закрыв за собой дверь.

Взгляд Аристарха опять задержался на ногте указательного пальца. Он дотронулся до него, и ноготь отпал, оголив гнойную болячку.

– Я жить хочу, Лёнчик. А на всех остальных мне... – И Аристарх плюнул на палец.

Резко встав, он достал из кармана военной куртки плоскую металлическую фляжку, из ящика стола воронку, входящую в комплект фляжки, и перелил из бутылки немного коньяка.

* * *

Пройдя по длинным коридорам, генерал дошел до отсека с надписью на дверях «Медицинский блок». Открыв цифровую дверь, Аристарх пересек приемный покой, заглянул в кабинет со сверкнувшей табличкой «Главврач».

Кабинету Геннадия и лаборатории в Зоне, отделяемым от коридора пуленепробиваемым стеклом, мог позавидовать любой исследовательский центр. И в России, и в других странах таких пока больше не было.

Основополагающие оборудование – исследование мозга и тела. Установка на исследование крови по тридцати параметрам. Десятки автоклавов, барокамеры, ламинаторы и так далее и тому подобное.

Переодетый в белый халат Геннадий смотрел на монитор компьютера, на колонку данных анализа крови сотрудников Зоны. Аристарх запросто зашел в кабинет, приложив свою магнитную карту. На него были настроены все коды дверей Зоны.

– Давно хотел тебя спросить, Гена, как ты относишься к идее перевода сюда нескольких детей?

Геннадий ввел в компьютер новые данные, и на мониторе появилась ещё одна колонка анализов крови.

– Как я понимаю, их доставка дело решенное. – Переведя взгляд с монитора на Академика, Геннадий чуть поморщился. – Дети с нужными нам медицинскими данными будут, скорее всего, с тяжелым диагнозом, и переезд сюда – их единственный шанс на нормальную жизнь... Вы меня отвлекаете.

– Работай.

У прозрачной двери Аристарх сделал глоток из фляжки.

Академик никогда не напивался, но и абсолютно трезвым после двух часов дня тоже не был. Игнорируя заключения врачей по поводу алкоголя, он провел свои собственные исследования. Алкоголь алкоголю рознь, и воздействие спиртосодержащих напитков с различными химическими, но обязательно натурального происхождения, примесями тоже разное. Лично ему триста граммов в день отличного коньяка вреда не приносили, только поднимали тонус.

Аристарх вышел из кабинета, прошел дальше по коридору и открыл двери с табличкой «Лаборатория». Помещение, особенно после кабинета Геннадия, больше походило на кладовку: сплошные, от пола до потолка, стеллажи. Стоящие на полках картонные и пластмассовые ящики, имели разнообразные наклейки: «пробирки», «личные дел санитаров», «реактивы», «бытовая химия», «тряпки половые х/б», и с прочими скучными названиями.

Нажав на боковом стеллаже незаметную кнопку, в виде шурупа, генерал дождался, когда стеллаж отодвинется и заблестит бронированными дверцами лифт. Аристарх спустился на нем на два этажа ниже.

От лифта вглубь вел длинный коридор. Справа серела глухая бетонная стена, слева, за оплётанным и зассанным изнутри небьющимся стеклом – палаты-камеры.

Появление генерала вызвало вой и матерную ругань «поселенцев» камер. Мужчины в сатиновых пижамах, небритые и коротко остриженные, прыгали на стекло, грозили ему кулаками или трясли гениталиями. Аристарх шел мимо стеклянной стены, присматриваясь к пациентам, улыбался в их получеловеческие лица.

Один из «зверюшек», дождавшись появления генерала, спустил пижамные штаны и выдал желтую струю мочи на оргстекло, заголив свои «причиндалы» как можно откровеннее. Аристарх задержался на минуту, досмотрел зрелище и осуждающе погрозил пальцем.

– Деградируешь, нехорошо. – Он пошел дальше. – Эх вы, кролики мои уродливые, совсем плохими стали. Но скоро у вас будет пополнение. Новая, молодая кровь.

* * *

В придорожный мотель мы заехали на два часа – заправиться бензином, запастись продуктами и обменять крупные деньги на струблевки для взяток гаишникам.

Еще год назад я пыталась ничего не платить «стражам дороги», с пеной у рта доказывая свою правоту. И чаще всего, после ругани минут на сорок, мне удавалось спасти любимый кошелек от болезненного для меня открывания. Но Толик как-то вечером потратил десять минут на расчеты и доказал мне, что экономически выгоднее откупиться и не задерживать движение, чем жаться на пятихатку или тысячу.

Я, несмотря на вечный счетчик в мозгах, реальные доводы понимаю, и согласилась включить в статью расходов графу – заплати и езжай дальше.

«Давно пора принимать новые реалии и экономить одно из самых важных достояний жизни – время», – удовлетворённо бурчал оранжевый голос.

* * *

Толик, несмотря на то, что уже знал трассу, не стал доводить меня до приступа бешенства сумасшедшей скоростью и держался где-то около ста сорока километров в час. Бесконечная лента дороги, плавно извивающаяся по холмам с низкими пролесками, навела дремоту, и я уснула.

Проснулась от мягкого торможения. Справа по ходу дороги красовалась заправочная станция. Рядом сверкали широкими окнами кафе и мотель. На минуту мне показалось, что я уже в Подмосковье, настолько современными были постройки. Но в ста метрах от новомодной АЗС, под крышей в бордовом «ондулине» и в переливистых вывесках, начиналась деревенька, отличающаяся особо неприглядным видом. Полтора десятка бревенчатых домов из почерневшего от времени и морозов дерева. Большинство крыш «защищала» дранка¹ из лиственницы, тройка домов хвалилась шифером в два слоя и только на двух крышах сверкала еще светлая жесьть.

Владельцы автозаправки устроили коммерческий оазис среди сотен километров лесотундры, где немногочисленные местные жители начали забывать, как выглядят наличные деньги и на первое место взаиморасчетов вышел натуральный обмен.

Философские размышления о судьбе России никого, кроме меня, не волновали. Толя и Кирилл махали руками и приседали, разминаясь после многочасового сидения. Анна стояла в сторонке, с интересом разглядывая новенькую автозаправку. У меня сложилось впечатление, что данное типовое чудо архитектуры она видела впервые. На заставленной дальнобойными фурами стоянке некоторые машины её явно удивляли.

Толик потянулся и зевнул.

– Восемьсот километров за шесть часов. Неплохо, бляха муха, для местного бездорожья.

– Очень хочется кушать, – сообщил Кирилл и пошел в сторону кафе при АЗС.

Я оглянулась на джип-кроссовер. На провинциальных городских улицах мой «Мерседес» казался небольшим автобусом внеземного происхождения, а сейчас, встав между двумя грузовиками с двойными прицепами, он больше походил на уснувшего на солнце жучка среди кирпичей.

* * *

В придорожном кафе был аншлаг. Я лично не заметила ни одного свободного места. Дальнобойщики, народ широкий, обедали шумно и основательно.

¹ Дранка – тонкие дощечки для застилания крыши. На них часто растёт мох, защищая от морозов.

Длинный Кирилл встал на цыпочки, перейдя двухметровый рубеж своего роста, присмотрелся к дальнему углу и скомандовал: «За мной».

У пустого, с грязной посудой от предыдущих посетителей, стола обнаружилось только два стула. Еще один, пустующий, был занят пластиковым пакетом в белых розочках на красном фоне, но забирать его у нетрезвых шоферов, объединившихся для проведения совместного вечернего досуга, было стрёмно. Во всяком случае, пока никто не решился побеспокоить одинокий пакет.

Двое вновь вошедших посетителей предпочли съесть свой борщ за барной стойкой, сидя на неудобных коктейльных сиденьях, но не трогать изрядно поддавших дальнобойщиков.

Толик, похоже, оценивал вариант возможного конфликта с компанией из пятерых здоревенных мужиков, которым явно было «тепло», но скучно. Я в его размышления не влезала, а махнула пожилой уборщице в грязном фартуке, ходящей между столами. На плоском якутском лице женщины стойко отпечатались выражения неприязненности к посетителям и скука. Я щелкнула пальцами, привлекая к себе внимание.

– Любезная! Подойдите, пожалуйста, сюда!

Тетка замерла, переваривая непривычные слова, и, переглянувшись с удивленной официанткой, не спеша направилась к нам. Я постучала пальцем по грязному столу, уборщица смотрела на меня с сочувствием, ничего не предпринимая.

– Не успеваю убирать. К вечеру жруть и жруть не переставая. – Она встала передо мной, держа в красной от работы ладони серую тряпку, пахнущую тем специфическим запахом, которого умеют добиваться в общественных столовых.

Только я хотела сделать замечание, как сама уборщица, смущенно улыбнувшись, извинилась: «Пойду тряпочку сменяю, а то запахлась».

Интересно, с чего бы у тетки проклюнулась сознательность? Неужели она почувствовала, что мое терпение заканчивается, и сейчас я закачу скандал, который они долго не забудут?

Но тетка смотрела не на меня. Я оглянулась. Оказывается, уборщица отреагировала на легкое подрагивание крыльев носа скромно вставшей у стеночки Анны.

Перед нами, не дожидаясь, пока мы рассядемся, встала официантка и протянула ближе к ней стоящему Кириллу засаленную страницу «меню». «Девушке» было лет под сорок, но она знала, что до ближайших автозаправок – по сто километров в обе стороны и что здесь она местный неоспоримый секс-символ. Хотя и сильно располневший.

– Чо будем того?.. – не утруждая себя лишним бесперспективным для нее разговором, спросила официантка.

Уборщица сгребла на поднос грязную посуду и попятилась в кухню. Мы с Анной сели.

Толик сглотнул голодную слюну.

– Мы, наверное, в машине поедим...

Его тут же перебила официантка:

– Да кто же тебе посуду навьнос даст? Она же не пластиковая, фаянсовая. Значит так, молодые люди, или заказываем, или своим девушкам глазки строим. У меня тут очередь из желающих... – Официантка опять не закончила двусмысленную фразу.

Ребята читали над нашими головами «меню», настраиваясь пообедать стоя, наклонившись над краешком стола. Но тут опять удивила Анна. Она встала, обошла официантку, с ходу улыбнулась бармену:

– Есть свободный стул?

– Только один, мой личный, – доброжелательно ответил бармен. – Он ваш.

Анна, как бы не ожидая иного ответа, повернулась и подошла к шумной компании шоферов, обсуждающих проблемы российского спорта за очередной бутылкой водки. На собственном стуле отдыхал полупустой пакет в розочках.

– Я у вас стул хочу забрать. – Анна взяла пакет в руки. – Куда его положить?

Мужчины разглядывали Анну секунд тридцать. Мои парни напряглись, представляя, как будут делать вид, что не заметят матерных высказываний в адрес девушки, которая приехала с ними. Но я была уверена... И точно! Широкое лицо подвыпившего шофера изменила доброжелательная улыбка.

– Да кинь ты его под стол, голуба. Чего ты этот пакет-букет в руках держишь? Иди кушай, подкрепляйся.

Пятеро мужчин смотрели на Анну с умилением детсадовских воспитателей перед любимой воспитанницей.

– Спасибо. – Анна передала пакет самому небритому водителю, взяла стул и, не переставая улыбаться улыбкой Моны Лизы, подошла к нам.

Официантка скривилась от удивления. Анна села на «завоёванный» стул, и начала диктовать:

– Салат из свеклы, жареную картошку, апельсиновый сок и пятьдесят граммов коньяка. Если коньяк плохой, то водки, но хорошей.

Говорила Анна негромко и вежливо. Рука официантки резво делала пометки в блокноте.

– А мне два шашлыка, двойной борщ, пять кусков хлеба, пакет сока и две ватрушки с творогом, – торопливо проговорил голодный Толик.

– Не ори, не на базаре, – привычно отреагировала официантка. – С ума сойти!

Бармен со стулом в руке, приближающийся к нашему столу, ввел «девушку» в ступор.

– Возьмите, пожалуйста. – Бармен смотрел только на Анну.

– Спасибо вам.

– Чо дальше? – поинтересовалась официантка.

Кирилл придвинул принесенный стул, сел рядом со мной.

– Мне, девушка, то же самое, что вам заказал этот прожорливый тип, и двести граммов водки.

– А те чо? – «Звезда» шоферов без радости смотрела на меня.

– Половину жареного цыплёнка, салат и апельсиновый сок. Алкоголь не нужно, – проговорила я, сопротивляясь «болотному» голосу, шептавшему: «Стакан вина, и в школу не пойдём!.. будем орать песни и приставать к Кириллу».

За обедом Толя и Кирилл обсуждали вопрос ночевки, склоняясь к тому, что пора зайти в мотель при АЗС, поинтересоваться ценами.

Я, две недели мечтавшая о полноценной кровати с чистым бельем, о цивилизованном унитазе и теплом душе на ночь, зачеркнула крахмальную мечту. Ни один мужчина, зашедший выпить или обедавший в кафе, не пропустил взглядом Анну.

– Лучше отъехать подальше от людных мест, – строго заявила я, на этот раз всё-таки прислушавшись к ворчанию «болотного»: «Ой, буду рваться к нам в гости все мужики мотеля. Будут изливать душу и лезть в постель».

– Согласен, – буркнул Толик, с экстазом жуя сочное мясо свиного шашлыка. – Рано еще ночевать. Добьем до тысячи, и тогда спать. И не в мотеле, а в самой глухой деревне, километрах в десяти от трассы.

– Мы за один день можем проехать тысячу километров? Мы так быстро едем?

Я внимательно посмотрела на удивленную Анну.

– Странно. Автозаправки ты такие никогда не видела, почти все машины для тебя в новинку, и ты рассматриваешь одежду на людях. Ты где была последние годы?

– Я была в Зоне. – Анна ответила тихим шепотом. – Но не заключенной... Можно я пока не буду об этом рассказывать?

Редкое ощущение допущенной бестактности, заставило меня пожалеть о заданном вопросе.

– Извини, Анна, была не права. По коньям, мальчики. Толик, моя очередь вести машину. Я подняла руку, приглашая официантку для расчета. Та неожиданно мило улыбнулась, взяла со стойки маленький подносик и подошла к нашему столу. На подносе стояла одинокая рюмка коньяка.

– Это наш хозяин вашей Анне преподносит в знак уважения. Бесплатно.

Анна взяла рюмку, улыбнувшись, кивнула бармену и сделала первый глоток.

– А чего лимончика недодали? – проявил знание этикета Толик.

– Такой коньяк лимоном не портят, – весело ответила Анна и сделала второй глоток.

Интересно, марки автомобилей ей в новинку, а о дорогих коньяках она имеет правильное понятие.

Проверив счет, я расплатилась с официанткой, точно высчитав в уме пять процентов чаевых от суммы заказа.

– Заезжайте к нам еще раз. Так приятно общаться с интеллигентными людьми, – радостно прощалась с нами «девушка».

Это Толик интеллигентный? Моего брата у нас дома зовут Толян-грубиян и нагло льстят. На самом деле он не только грубит, он орет, выясняя отношения, и часто лезет в драку.

Я посмотрела на официантку, но она видела только Анну, допивающую коньяк.

– Спасибо, – сказала Анна бармену и официантке. – Коньяк мягкий, букет изумительный. – Встав, она положила бумажную салфетку около тарелки. – Я готова ехать.

Когда мы выходили из кафе, нам вслед смотрели все без исключения дальнобойщики. И на их лицах были улыбки папаш, провожающих дочурку в первый класс. «Дочуркой» была не я.

Наверное, штука «евро» – это мало за доставку подобного чуда природы. Может, плюнуть на деньги и попросить любого шофера, едущего в сторону Урала, довезти попутчицу? Ведь Анне никто не откажет...

Поздно... Кирилл смотрел на Анну с видом старшего брата. Но это ладно. Толик держал перед Анной входную дверь кафешки! Толик, мой сводный брат, который придерживал дверь только перед мамой, надеясь на очередные деньги в долг!

Ой, не к добру этот Версаль.

Искомую для ночевки деревню мы смогли обнаружить только в половине двенадцатого ночи.

В сумерках уходящего незакатного лета, деревня, всего в семи километрах от основной трассы, отличалась открытостью и размахом. Дома здесь отстояли друг от друга непривычно далеко. Сами дома, как мини-крепости – широкие, высокие, часто в два этажа. И у каждого за дальней стеной пристроен скотный двор, чтобы в зимнюю стужу дом обогревал животных, а они дом. Отдельно стояли баньки и амбары.

И никаких ворот и заборов, только огороды огорожены слегами или высокой оградкой от глупых овец или жадных свиней. Земли вдоволь, какой-нибудь резной столб, а то и дерево служили межой. А попробуйте в снежные зимы откапывать ворота каждый день или по весне разгрести сугробы у заборов, чтобы земля быстрее прогрелась!

Добудиться до жителей удалось минут через десять. Стучали сразу в два дома, для улучшения результата. В одном испуганный мужичок все время спрашивал через дверь: «Что, что случилось?»

В другой избе отворилось окно, женщина в халате и кофте вывалилась наполовину наружу и обложила нас таким матом, что Толик, с ходу могущий перематерить личный состав районного вытрезвителя, куда он попадает только два раза в год – на собственный день рождения и на Пасху, восхищенно посмотрел на тетку и попросил повторить. Тетка смягчилась от похвалы и выслушала нас.

– Езжайте вы, путешественники нежданные, ...на хутор. – Ласково послала она нас. – На сопку за деревню поднимитесь и увидите...

* * *

Несмотря на навалившиеся сумерки, дорогу мы не потеряли. На холме, на границе с лесом, раскинулся хутор – огромное хозяйство.

Хозяйка, крепкая пожилая женщина, как будто ждала нас. Мы подъехали к ограде, когда она вышла из дома с уютно светящимися окнами, и оттащила в сторону створку длинных невысоких ворот. По территории усадьбы бегали и бесновались две здоровенные овчарки, всласть облаивая нашу машину. Сдерживала их цепь, прикрепленная к толстой натянутой проволоке.

– Много вас, – недовольно сказала хозяйка. – Придется по двое в кроватях уместить.

Собаки заливались лаем, соревнуясь между собой в преданности хозяйке.

Я высунулась из окна «Мерседеса».

– Куда машину ставить?

– За дом заезжай, там площадка забетонированная.

Она обернулась к псам.

– Цыть, собачье отродье! Уши от вас позакладывало. Цыть!

Площадка за домом оказалась не только бетонной, но и с навесом. Здесь приткнулся серый джип «Патриот», что для глухой деревни равно хорошей иномарке, и мини-трактор.

Я выпрыгнула из своего кроссовера на землю. Яркий фонарь освещал пространство перед домом, все остальное растворялось в сумерках. Лиственный лес стоял коричневой стеной. Очень красиво... и жутко.

Сбоку от площадки сушилось белье на веревках. Немного, и, в основном, женское. Хозяйка, поглядывая на нас, начала снимать белье. Мне стало любопытно, и я, чтобы не кричать в гулкой тишине, подошла к ней ближе.

– Одна живете?

Я рассматривала женщину, она – меня.

– Когда как. Круглый год работники нанимаются. Иногда оставляю кого-нибудь из них, кто понравится, тело потешить.

Женщина говорила не смущаясь. «Тебе бы так, без комплексов, – протянул мой бирюзовый голос. – А то и сама не «ам», и другим «не дам».

Хозяйка застегнула на своей теплой кофте пуговицы.

– Холодает к вечеру. Чего не спрашиваешь, сколько за постой возьму?

– Сколько? – заинтересовалась я.

– По двести рублей. Дорого, конечно, но я чистое белье постелю. Ужинать будете?

– Пиво пить будем.

Оранжевый голос обрадовался: «Пустячок, а приятно. В любом мотеле расценки начинаются с пятисот рублей».

Кирилл доставал из автомобиля ящик пива. Толя оглядывался и мялся. Хозяйка перехватила его ищущий взгляд.

– Гостевой нужник у меня вон там. – Хозяйка махнула в сторону леса. – Если по-маленькому, то лучше за ограду.

– Далековато.

– А в свой пускать я брезгую. Да и нечего по двору ходить, собак моих беспокоить, злые они очень. Вдруг сорвутся и откусят чего-нибудь жизненно важное?

Последней из машины вышла Анна. Хозяйка ойкнула, глядя на нее.

– Вот это да... И откуда взялась такая краля?

Анна тихонько улыбнулась.

– А у вас сеновал есть?

– Есть, конечно.

– Тогда покажите после ужина ребятам, где лежат матрас и одеяло, пусть отнесут на сеновал, я там спать буду. Можно?

– Можно, если мышей и песцов не боишься, – на распев и душевно говорила с Анной хозяйка дома.

– Не боюсь.

Ребята на их разговор внимания не обращали. Как-то само собой подразумевалось, что Анна глупостей не скажет и не сделает.

Ужин прошел в дружеской, сонной обстановке. Пили пиво с бутербродами и по очереди зевали во весь рот. Из последних сил расстелили кровати и отнесли матрас на сеновал.

Две кровати распределили на троих просто. Меня положили отдельно, а Кирилла с Толей мы решили засунуть в одну койку и даже не пошутили по этому поводу, настолько сильно хотелось спать.

Анна пожелала всем «спокойной ночи» и пошла на сеновал. Серый кот, весь ужин просидевший у нее на коленях, поплелся вслед за ней. Хозяйка хотела оставить кота, но тот упорно рвался из избы. Я забралась в кровать и заснула через полминуты.

Первое, что я услышала утром – мужской двухголосый храп. Мальчики «работали» каждый в своей тональности. Спать под такой аккомпанемент можно, а вот заново уснуть – нет.

Теплое солнце светило в глаза, за окном слышалось: «Цыпа, цыпа, цыпа. Идите сюда, тупые дуры».

Лежать под шерстяным одеялом было жарко. Я встала с железной койки, заглянула в соседнюю комнату.

Кирюха и Толик спали друг к другу спинами, свесив головы по обе стороны старой кровати. Я только на миг представила, что на месте Толи могла быть я... Голова так закружилась, что пришлось прислониться к косяку. Никогда, никогда стройный красавец и умница Кирилл не посмотрит на меня иначе, чем на вечно командующую сестру своего друга и, что самое страшное, старшую сестру.

* * *

Солнце августа длинными полосами лежало на полу, на столе, на простынях расстеленных кроватей. На высоких окнах висели занавески из старого тюля, подштопанные, но чистые. Чистыми были и пол, и печь. Мебель пахла необычным полиролем. Подойдя ближе к буфету, в котором за стеклами хранились хрустальные бокалы и праздничный чайный сервиз, я принюхалась. Буфет пах пчелиным воском.

Гомон птиц, звон отъездивших за лето мух, бляение овец... Звуки детства из деревни, где жила наша с Толиком бабушка. Захотелось на улицу.

Ставни окна открылись без скрипа. Давно я не видела таких старинных оконных запоров, да и ставен тоже. Около хозяйки копошилось кур двадцать, не меньше. За оградой паслись корова и телёнок.

– Доброе утро, – сказала я негромко, но женщина услышала. – Хотела вам деньги отдать и заказать яйца. Нам нужно штук тридцать. Десять для яичницы на завтрак, остальные в дорогу. Найдется у вас столько?

Обрадованная хозяйка высыпала остатки корма на голову ближайшей курицы.

– Да за хорошую цену, милая, у меня много чего найдется. Уже иду.

Достав из дорожной сумки пакет с принадлежностями для умывания и кошельки, я вышла в коридор и столкнулась с хозяйкой. Я тут же стала отсчитывать деньги за ночлег, ужин и завтрак, а хозяйка, сунув деньги в карман фартука, приложила палец к губам.

– Тихо, иди за мной. Я такого никогда не видела, только слышала, что случается.

Мы пришли на сеновал. На копне, укрывшись одеялом до подбородка, спала Анна. Волосы выбились из косы и прядями извивались на подушке. Выглядела Анна земным ангелом и была необыкновенно хороша. Но хозяйка позвала меня не умиляться, а удивляться.

Над подушкой, в волосах Анны спал серый хозяйский кот, у левого плеча две мыши. В ногах тихо похрапывали оба злобных пса. Чуть выше, на деревянной лестнице, ведущей на второй ярус сеновала, кемарили пять голубей и неизвестная мне яркая птица, а под лестницей, свернувшись клубком, недвижно лежали две змеи.

Хозяйка протянула мне двести рублей.

– С блаженных денег не беру.

– Не поняла...

Женщина нагнулась и зашептала мне в ухо:

– Полудикие и дикие звери, а у нас других не водится, могут мирно спать только с блаженными. Она Берегиня, подруга твоя.

Мне стало не по себе, и от этого я выдала дурацкую шутку:

– А я думала вы их опоили чем-нибудь.

Хозяйка оглядела меня с жалостью.

– Больше думай о духовном.

«Не раньше первого января две тысячи двадцатого года», – напомнил о себе оранжевый бухгалтер. – «До этого времени мы зарабатываем деньги, без перерыва на благотворительность».

– Спасибо большое за совет, – я смотрела в сторону. – Но сейчас некогда, самой нужно ставить на ноги сына и брата.

Женщина усмехнулась.

– Ой, какие слова громкие. Но учти. Человек предполагает, а судьба располагает. Сварганить яичницу с колбасой или зажарить омлет на сливках?

Очень, очень люблю покушать. Ценю вкус еды, разбираюсь в совместимости продуктов и диетах. Но хорошей колбасой в доме не пахло, это я поняла еще вчера.

– Колбаса домашняя? Только честно.

– Магазиновая. Своя будет через месяц, рано еще животину забивать, а с прошлого года все поели, – извинилась хозяйка.

– Тогда омлет на сливках.

* * *

После завтрака Кирилл сел на заднем дворе, где у хозяйки был огорожен просторный выгон, и зарисовывал лениво пасущуюся живность. Овцы с барашками, четыре козы и трое поросят, привязанных за ногу.

«Лично мне кажется, что это не рисовать нужно, а снимать на видеокамеру. Зря ты на ней сэкономила, не подумала, что много в пути встретится много интересного. А романтические воспоминания – часть твоей жизни. Без фиксации приятных моментов, они забываются и становятся скучно». – Чуть ли не впадал в истерику бирюзовый голос.

«Зато мы сэкономили! – настаивал Оранжевый. – Барашков и ёлочки-лиственницы можно снять и на телефон». «Ах, на телефоне качество не то, нет глубины и атмосферы», – продолжал сокрушаться Бирюзовый.

Толик мылся на заднем дворе в самодельном душе с пластиковыми стенками. Анна, устроившись рядом с хозяйкой на скамейке под окнами, разговаривала с нею о травах. Дикий серый кот лежал рядом с Анной на лавке, урчал от удовольствия, делая вид, что все понимает.

На дворе благоухало бабье лето, хотя здесь оно наступило в начале августа. Сильно пахло близким лесом и скошенной травой. В саду за домом ветки смородины гнулись от тяжести ягод. Ярко желтыми кистями хвалилась облепиха. У каждой яблони был свой оттенок яблок, от ярко-зеленого до темно-красного.

Десяток клумб по всему двору радовали глаз охапками цветов, большая часть из которых были лечебными травами. Посередине одной из клумб в облетающих васильках, серели стрелы непривычного растения, обсыпанного колокольчиками со специфичным аптечным запахом. Ярко-фиолетовый бадан в пожухлых листьях рос в ковре желтоватого баранца.

А по периметру загона боярышник переходил в бордовый цвет, рядом серебрился подстриженным в шарик багульники; стеной по периметру краснел ягодами шиповник и распластался широкими листьями репейник. В общем, полная благодать.

«От такое-то богатство да ближе к столице! Но... мечты, мечты», – урчал Болотный голос.

Открыв багажник, я выставила на траву наши сумки и запасное колесо... Следующей была сумка Анны, я взяла ее, и моя рука тут же упала вниз от тяжести. Ничего себе у девушки силушка, вчера она несла свою сумку из машины в машину очень легко.

Сняв плотный плед с основного содержимого багажника, я залюбовалась товаром. Темно-коричневые изогнутые «полена» лежали неровным слоем в три ряда. Захотелось их погладить. Ладонь приятно щекотала шероховатость поверхности добычи.

«Денежки наши, тепленькие», – умилился Оранжевый голос. «Лишь бы нам за него не надавали по шеям», – вставил свои «пять копеек» зелёный трус.

Ощущение в ладони завораживало. Не я одна уверена, что от нашей добычи идет особая энергетика, тепло, сила...

– Что у вас там такое? – Анино любопытство были искренно женским. – Что можно было найти ценного среди сопок? Неужели вы черные археологи?

– Нет, не археологи. – Я повернулась к Анне. – И ничего противозаконного и опасного мы с собой не везём. Пойдем Кирилла уговаривать, нам минут через двадцать нужно выехать, а он весь в творчестве.

Анна всмотрелась в лист большого блокнота. На рисунке хутор выглядел иллюстрацией к русским народным сказкам.

– Интересно. – Покачала головой Анна. – В классическом стиле. Похоже на иллюстрации к сказкам у Билибина.

Что именно рисовал Кирилл, меня мало интересовало. Я видела его светлые волосы, открытую загоревшую шею, широкие плечи, сильную спину под трикотажем белой футболки, сосредоточенный профиль тонкого лица и четкие движения сильных рук.

– Очень красиво, – сдавленно прокомментировала я, чувствуя, насколько банально звучит моё замечание.

Обернувшись, Кирилл улыбнулся Анне, а на меня лишь покосился.

«Урежь его долю в распределении добычи, – посоветовал Оранжевый голос. – Сразу будет магнитной стрелкой поворачиваться не только на твоё появление, но и на голос». «Любовь не купишь», – томно заметил Бирюзовый романтик. «Любовь – да, – согласился Болотный. – А вот внимание, если девушка-женщина симпатичная, при деньгах и вкусно кормит – обязательно». «Безнадёжный циник!» – обиженно всхлипнул Бирюзой голос.

* * *

Показывая всем видом пренебрежение к факту побега Анны, Лёнчик ни на минуту не собирался прекращать её поиски. Тем более до странности удачно сложились обстоятельства – он свободен во времени и в средствах, Аристарх дал ему карт-бланш на любые действия вне Зоны «Топь» для поставок нового биологического материала.

С генералом ему обсуждать возвращение или наказание Анны не хотелось. Незачем. Он и сам уже давно, года три, как не идиот, а даже уникум.

За сутки, прошедшие после побега Анны, Лёнчик выяснил, что по ближайшей к воинской части дороге проехало всего пятнадцать автомобилей. Из них десять принадлежат нефтяникам, четыре – гостям из города и только один – кроссовер марки «Мерседес» был с номерами «69», которые обозначают город или область Тверь.

Но эта машина меньше всего под подозрением, слишком она броская – и марка, и номера. На таких не сбегают, боясь засветиться.

Ещё мимо прошли два стада оленей, которых перегоняли на новые пастбища якуты, но их Лёнчик в расчёт не принимал.

Куда же Анна могла деться? Пешком – смешно. Рейсовые автобусы здесь не ходят, вертолеты вчера в округе не летали.

Без подготовки мероприятие скандального для «Топа» побега не организуешь и, само собой разумеется, в Посёлке Топь есть соучастники Анны. Но хрен они расколются, откровенничать никто с Лёнчиком не станет. В Зоне, где обитают осужденные ЗЭКи с ним считаются, но в жилом секторе, в Поселке, никто не хочет общаться. Неужели они чувствуют, что он при желании может задавить их в одну минуту одним прикосновением руки?

Но, хватит рассусоливать, пора действовать.

Из десяти автомобилей, скучающих в просторном, сверкающем чистотой гараже, Лёнчик выбрал представительскую «Ауди», принадлежащую генералу. До города добрался за час. Остановил машину в центре.

Здание администрации отделяло от недавно построенного православного храма небольшой сквер. Выйдя из автомобиля, Лёнчик сел на свободную лавочку. Мимо прошли две хорошенькие девушки и обе с интересом на него посмотрели. Лёнчику они показались пресными. От них ничего не исходило. Не было, кроме слабого сексуального влечения, того потока энергии, только и ценного для Леонида.

В подавляющем большинстве никто из его знакомых в Посёлке и Зоне Топь и здесь, в городе, горожане, не только «не фонили», но не было даже намёка на сотую долю хоть каких-то особых качеств. Не то, что он сам – надежда генофонда всего мира вообще, и России в частности.

Ладно, о своей исключительности он поразмышляет потом, а теперь необходимо спокойно посидеть и постараться услышать не людей, а сам город. Куда могла пойти Анна?

Город молчал. Он не почувствовал здесь её пребывания... Зато Лёнчик понял, куда может привести её след. Ребята из спецотдела периодически обращались в местный паспортный стол по случаю оформления загранпаспортов, а также в связи с потерей старого российского, и доведения нужно «книжицы» до нечитабельного состояния, поскольку паспорт был замочен в спирте или потерян в сугробе до весны.

Лёнчик оглянулся на здание администрации. Население всего города вряд ли было больше двадцати тысяч, следовательно, паспортный стол один, и он здесь.

Лёнчик встал, особым движением, ладонью справа налево, сильно пригладил волосы, сделал несколько гримас, добиваясь улыбки на лице, и пошел к зданию.

Поднимаясь по лестнице, он спросил супружескую пожилую пару, где расположен паспортный стол. Мужчина охотно ответил, женщина смотрела на Лёнчика с открытым ртом.

– Юра, ты видел? – услышал Лёнчик в спину. – Они бывают живые, эти киношно-журнальные красавцы.

Начальницей паспортного стола оказалась толстенная дама ближе к пятидесяти. Как только Лёнчик вошел в кабинет, дама одной рукой схватила за сердце, другой прикрыла рот, сдерживая возглас восхищения. Если бы у Лёнчика были в запасе сутки, он бы выяснил нужное и без денег, но гробить вечер и ночь на охмурение толстой тетке с небритыми ногами, было жаль.

За пять минут общения Лёнчик объяснил паспортистке, что она «слегка» злоупотребляет служебным положением, выписывая липовые документы. Его лично интересуют только женский паспорт, принадлежавший сотруднице Зоны «Топь».

Четыре минуты у начальницы ушло на его запугивание, типа «да кто ты такой, тля конвойная». Лёнчик, улыбаясь, ждал продолжения. Ещё пять минут паспортная дама отрицала свою причастности к должностному преступлению и семь минут всхлипывала, вытирала глаза платочком и с жаловалась на жизнь.

На последнем этапе «спектакля» Лёнчик встал, подошел ближе к женщине, уверенно выдвинул средний ящик стола и положил в него пятьсот долларов.

– Ей по паспорту должно быть от двадцати пяти до тридцати лет. Место рождения и прописки значения не имеют. Оформление происходило, скорее всего, в этом году. О нашем разговоре никому знать не надо.

– Не надо? – Начальница вынула из косметички специальную ультрафиолетовую лампу, осмотрела «взятку» и твердо взглянула на Лёнчика. – Записывайте. Женщина была только одна. Анна Аркадьевна Арцибашева. Номер паспорта...

* * *

Я вела машину, рядом сидела Анна. Ребята на заднем сиденье играли в карты. Выигрывал, как всегда, Толик.

Впервые в жизни я оказалась так далеко от родного дома и бросила на произвол судьбы любимый магазин и еще более любимого сына Данилу. Но отпустить в Якутию ребят одних – это было выше моих сил, особенно Кирилла, я ревновала его все больше с каждым днем.

Дальняя дорога завораживает. Теплый ветер в опущенное окно, запах свободного пространства. Внутри меня, ровно посередине туловища, где-то между душой и животом дрожало предощущение скорого возвращения.

Если все случится, как я рассчитала, то наконец-то мы с Толиком сможем выкупить часть хозяйственного магазина, в котором работаем четвертый год.

Я по ночам просыпаюсь от счастья, когда мне снится моя мечта – я вхожу в собственный магазин. Снятся даже запахи свежеспиленных досок, темного машинного масла, мебельного клея, хорошего линолеума, ламината и всего остального... А оставшиеся деньги я вложу в соседний туристический кемпинг, мы с Толиком высчитали, что деньги вернуться через год.

Сегодняшние владелицы хозяйственного магазина отдел стройматериалов не любят, им больше нравятся идиотские сувениры и красивенькая посуда. Они ничего не понимают в торговле.

На Селигере, где идет постоянное строительство и ремонт дачных домов и гостиниц, стройматериалы – самый востребованный товар, а все остальное «сопроводительные аксессуары». Предложила им закупить скамейки на кованной ажурной основе и фонари к ним, но

«курицы» меня не услышали, а закупили хрустальных вазочек и салатниц, прибыль с которых мизерная, а на складе примерно таких же штук пятьдесят. То есть деньги «провисли».

Нине Юлиановне в возрасте «вот и пенсия стала привычной», и ее «дочурке» сорока лет, магазин достался неожиданно, по наследству, от бывшего мужа и, соответственно, отцу дочери. Они и не рассчитывали, ни на что, проклянув Василия Спиридоновича лет двадцать назад, когда он ушел из семьи, где его не особенно ценили и называли «торгашом».

Ещё одиннадцать магазинов достались его новой жене и детям, палатка на трассе Тверь-Осташков – племяннику. Прекрасный человек Василий Спиридонович, так многому меня научивший, вложил в сеть строительных магазинов не только опыт работы в торговле, но и душу. Но весной моего бывшего хозяина не стало.

Две курицы, мать и дочь, всю жизнь просидевшие за спиной делового человека, решили, что достаточно понимают в торговле. Дуры набитые. Спиридоныч посмеялся над ними, представив возможность зарабатывать самим и понять, что ничего в этой жизни с неба не падает, а если и упало, то может либо помочь воспарить, либо раздавит.

Хорошо – я человек честный и даже прибыль им какую-то приношу, несмотря на их стремление загубить бизнес.

Но если совсем уж откровенно, за весну и лето мы с Толиком заработали столько денег, что впору открывать собственное дело. Только мы посчитали и решили, что искать новое место, вкладываться в строительство магазина и в рекламу стоит больших денег. А еще автомобильная стоянка, второй разъездной автомобиль, надстройка разгрузочного пандуса...

Дешевле выкупить магазин с наработанной клиентурой.

В мае я послала Толяна к «курицам» для переговоров. Сама не решилась, боялась, что сорвусь, расскажу, какие они, мягко говоря, растяпы и столько упускают прибыли. Бабы-дуры заломили за магазин цену бензозаправки. Ладно, думаю, время пройдет, аппетиты снизятся. «Нельзя заниматься торговлей, не любя и не понимая ее, она обязательно отомстит» – это Василий Спиридонович сказал с самого начала нашей совместной работы, и я с ним согласна.

Я, Толик и Кирилл написали коллективное заявление об отпуске на июнь и июль, и отдали ключи от магазина и склада «хозяйкама».

Через две недели сорокалетняя «дочка» как бы нечаянно два раза прошла мимо нашего дома. А у нас шашлыки на шампурах, вино сухое бордовой рекой, салат в тазике, музыка из окон. Данька носится по участку и просит взять его на экскурсию в Якутию, короче, семейная идиллия.

На второй день она и мамаша зашли к нам в дом напрямую. Жаловались, не стесняясь. Оказывается, продавцы, которых они наняли на время нашего отпуска, больше курили, чем работали. На покупателей внимания обращали мало, к тому же у них спёрли бензопилу, и продавцы, узнав, сколько им за неё придётся отстегнуть из зарплаты, смотрели на «хозяек» с выражением крыс, бегущих с корабля.

В этот раз «куры» просили за магазин на десять тысяч меньше. Я бы тут же вернулась в магазин, бросив шашлыки, но ребята меня охолонили.

– Не торопись, Манюня, – философски рассуждал Толик, записывая в статью расходов покупку трех комбинезонов защитной расцветки для предстоящих раскопок в Якутии, – к концу месяца тётки еще десятку скинут. А ты забыла, сколько мы закупили для поездки? А какую сумму потратили на экипировку Данилы для поездки к бабушке? Неужели зря тратились?

Кирилл упаковал в свою сумку карандаши и листы бумаги.

– Слушай, Маша, я из экономии могу и не ехать с вами, эскизы набросать для поступления в Строгновку можно и здесь, на Селигере. Хотя хотелось бы увидеть новые места.

Он смотрел на меня, держа в руках набор пастели в двадцать четыре цвета. Только от меня зависело, положит ли сейчас Кирилл его в сумку, или, сдерживая раздражение, сунет в пакет и унесет к себе домой.

Мой никогда не дремлющий голос предупредительно замигал оранжевой вспышкой: «Пусть Кирилл уходит, черт с ней, с этой поездкой. Делай, Манюня, деньги, а остальное придет само-собой. В крайнем случае, купишь. Даже эту любовь».

«Ой, как неэтично и непоэтично. – Вздыхал Бирюзовый. – Настоящую любовь, как показывает мировая история, за деньги не купишь. А сколько в экспедиции появится новых впечатлений!»

«Кстати, я опять насчет «купишь», – Оранжевый легко «забил» Бирюзовый, – на поездку, действительно, потрачены немалые деньги, и их необходимо отработать. Я в сомнениях...»

«Короче, мы едем, а то я потом всех сожру своим занудством за возможную потерю в деньгах и в... этих, как их... в эмоциях, – подытожил Болотный голос».

И я сказала: «Завтра едем».

* * *

Время приближалось к двенадцати дня. Анна, прислонившись головой к стеклу дверцы, думала о чем-то своем. И тут резко обозначился мой Бирюзовый голос: «Ну, спроси ее, спроси, интересно же...»

Анна обернулась ко мне, и я решила.

– Анна, а как ты там, в тех местах оказалась?

Она улыбнулась, как будто давно знала, что ее спросят об этом и начала рассказывать.

И тут произошел странный эффект. Ребята нас не слышали, а я была здесь, сидела за рулем, и одновременно в другом времени, в другой жизни.

– Несколько лет назад, в Москве...

Я хотела перебить Анну, уточнить, сколько лет назад и, вообще, откуда она родом. Но не смогла. Пространство вокруг меня сместилось, и по волне голоса я оказалась в прошлом Анны.

– Наташа, она такая надежная... Она имеет идеальный размер тела для любимой жены в России...

* * *

Наталья имела идеальный размер тела для любимой жены в России – пятьдесят четвертый. Сегодняшним субботним утром она позволила себе поваляться в кровати до одиннадцати часов и теперь крутилась в маленькой кухне, готовя обед, а заодно и ужин.

Десятилетний Вовчик, навалив в бордовый борщ полпачки майонеза, развозил в тарелке широкие круги большой ложкой и одновременно смотрел мультик про пиратов в планшете, лежащем рядом с тарелкой.

Отец Вовчика, имеющий честь быть мужем Натальи, тоже сидел за столом и делал вид, что его не тошнит от запаха еды, а холодную бутылку пива у лба он держит случайно.

Наталья, поправив длинноватый рукав халата, высыпала в утятницу приправы из трехлитровой банки, замерла на секунду и оглянулась на бледного мужа.

– Паша, чего это брат мой даже к обеду не поднялся? Вы опять вчера сильно надрались?

Павел, повернув нос к открытой форточке, вдохнул зимний, с запахом снега, воздух, сощурился на яркое солнце и, сглотнув перегар, «бодро» ответил:

– Че, Наташ, все нормально. Припозднились немного, а так... не перебрали.

Наталья, сморщившись, недоверчиво наблюдала за попыткой мужа объясниться.

– Вы во сколько, Паша, приехали-то? В три?

Вовчик, равномерно размазав майонез в тарелке, попробовал борщ и отодвинул тарелку от себя.

– Они, мам, с дядей Гришей утром приехали. – Папочка поперхнулся, мать заинтересовалась разговором и перестала резать хлеб. – А еще они, мам, утром тетю какую-то с собой принесли, маленькую такую.

Мамочкино лицо менялось на глазах, Вовчик даже заволновался и решил ее успокоить:

– Они, мам, ее в дяди Гришину комнату положили.

Папа смотрел ровно перед собой, на розовое пятнышко на кухонном столе.

Наталья тихо сказала: «Ага», метнула хлеб в раковину, нож в хлебницу и чеканным шагом двинула свое не хлипкое тело в длинный коридор, к дальней комнате.

Не теряя времени, Павел достал из холодильника еще одну бутылку пива. Потом Наташа, конечно, станет ругаться и клеймить его, но будет поздно. Пиво будет плескаться в животе, поднимая настроение.

Сначала она постучала в дверь не очень громко, согнутым пальцем. Молчание. На стук кулака тоже не ответили... Тогда Наталья рассердилась.

– Гришка! Открывай, твою мать!

Наталья грохнула по двери ногой, в замке хрустнуло, и дверь раскрылась. Любимый брат Гриша спал сиротой казанской, по-детски притянув ноги к животу, на матрасе, кинутым на пол, под тоненьким пледом.

На кровати сидела тощая прыщавая девица и со спокойным интересом смотрела на Наталью. Девица была страшненькая, но, во-первых, вопреки ожиданиям Натальи, одета в скромно-дорогой свитер и замшевую юбку, а во-вторых, ноги у девушки были перебинтованы. Сквозь бинты проступала кровь.

Сзади Натальи тихо вздохнул Павел, подтолкнул жену в комнату и закрыл за собой дверь. Сделав глоток пива из бутылки, он протянул руку и хотел что-то сказать, но сказала девушка.

– Меня зовут Анна.

Голос у нее был удивительный. От этого замороженного существа ожидался писклявый дискант, а прозвучал низкий, глубокий голос.

Григорий открыл глаза и посмотрел на Павла:

– Мне не приснилось?

Павел печально констатировал:

– Не-а, тут она.

Наталья села в кресло, поправила халат на мощной груди, указала мужу, где ему сесть, то есть на хлипкий стул, и, посмотрев в окно, разрешила:

– Давайте, мальчики, докладывайте.

Павел осмотрел свои домашние тренировочные штаны, потолок, рельефный силуэт жены.

– Мы, Наташ, из казино ехали. – Павел тоскливо заглянул в горлышко пустой бутылки. – Устали немного, соображали слабо.

– Во сколько?

– Соображали?

– Ехали!

– А... утречком. В полдевятого... Заворачивали к булочной, ты ж вчера вечером велела хлеба купить, когда мы погулять отпросились, мы ж помнили. Ну, заворачиваем мы к булочной, а там дорога не чищенная, по тротуару сугробы, а Гришка за рулем.

С пола раздался тяжкий кашель Григорий и подтверждение рассказа Павла:

– Про хлеб мы помнили...

– Короче, – перебила его сестра. – Паша, продолжай.

– Ну, чего? А эта идет. Пальтишко до тошеньких коленок, сапожки в икрах большеватые, ручки в перчатках растопыренные, портфельчик правую руку оттягивает. Скользит по тротуару. Где тротуар, где дорога, не понятно, а эта... девушка, скользит. И под мою машину. Мы ее немного протащили, там снег вчера подтаял, а сегодня с утра острый. У тебя есть новые колготки? – неожиданно закончил он и посмотрел на Анну с виноватой кислой улыбкой.

– Паша, куда ей мои колготки? На голове завязывать? – зарычала Наталья.

Двери в квартире были массивными, маленькому Вовчику было плохо через них слышно, и он тихо нажал на дверную ручку. Мама на поворот ручки отреагировала сразу.

– Вовчик, быстро на кухню! Доедай борщ! И выключи свой планшет!

Голос мамы свободно пробивал толстые двери, и Вовчик был уверен, что ее слышат соседи как сверху, так и снизу.

– Я понял, мам. – И он пошел играть к себе в комнату.

Наталья опять вздохнула всей грудью, но халат выдержал.

– Значит, пьяные, пьяные, а то, что за наезд в таком виде можете сесть года на три, все-таки сообразили.

Григорий встал с матраса, натягивал спортивный костюм, не стесняясь девицы, и оправдывался:

– Нет, Наташ, не в этом дело, жалко ее стало. Лежит около машины как цыпленок, не плачет, и вот так вот, – Григорий изобразил хватку мелкой птицы, – портфель свой лапками держит.

– У нее перелом?

– Слава богу, нет, – Григорий поморщился, глядя на гостью. – Но ноги мы ей ободрали сильно.

Девушка на кровати по-школьному тянула вверх правую руку, придерживая локоть левой.

– А можно? Можно мне руки помыть? А то они меня в машину засунули, сюда привезли и все говорили, говорили, а что я просила, не расслышали.

Наташа подошла к ней ближе.

– Ты, наверное, испугалась?

– Нет, – девушка снова улыбнулась, показывая идеальные зубы.

– В школу шла? – начала сочувствовать Наталья.

– Нет, на работу. Мне уже почти двадцать шесть лет. Честное слово. Я работаю старшим кассиром в кинотеатре «Родина», на Семеновской площади. А можно мне руки помыть и маме позвонить?

Не сдержавшись, Наталья погладила девушку по голове:

– Естественно, можно. Ребята, помогите ей до туалета добраться. А может, лучше в больницу, а не домой? Вон как кровь проступает на бинтах.

Аня потыкала тонким пальчиком бинты.

– Все нормально. У меня свертываемость крови плохая. Можно телефон? Он у меня в портфеле, а портфель остался в машине Григория. Мужчины его забыли.

* * *

От Белорусского вокзала Григорий и Анна ехали в высоком джипе «БМВ» в потоке машин все медленнее и на Тверской, напротив кинотеатра Пушкинский, встали окончательно.

Солнце жарило в автомобильные окна с синего неба, чувствовалось, что началась весна.

Две яркие девушки на тротуаре разговаривали, быстро-косо оглядывая проезжающих и проходящих. Мимо девушек прошла компания веселых ребят, с бородками, модно одетые,

уверенными в себе. Аня подумала, что никогда не впишется в такую компанию, как бы ни старалась. А сейчас Григорий отвезет ее домой и забудет, как страшный сон.

Григорий жмурился от солнца, крутил головой, высматривая, двинулись ли передние машины.

– Два года в Москве не был, сидел в своей лесотундре. Надо же, сколько красивых девушек повылезало...

Анна посмотрела на свои обгрызенные ногти без маникюра.

– Лесотундра это, где деревья карликовые растут?

– Да, но не только. Еще там леса, больше всего из лиственницы, болота и сопки. – Григорий достал пачку сигарет из бардачка, стараясь не дотронуться до Анны.

Стремясь не выглядеть слишком несчастной, Анна заглянула в серые глаза Григория.

– Знаешь, Гриша, а я мечтаю уехать из Москвы.

Григорий видел, что девушка старается ему понравиться. Она, конечно, страшненькая и совсем не женственная, но так приятно, когда на тебя смотрят с искренней влюбленностью.

– У нас в поселке почти четыреста мужиков и только двадцать женщин. Каждая чувствует себя королевой.

– В каком поселке?..

Григорий достал сигарету из пачки. Анна испугалась.

– Нет! Мне плохо будет... пожалуйста.

– Ладно, потерплю. – Григорий кинул пачку обратно в бардачок. – Зона и Поселок Топь в Якутии – это огороженный участок суши, на территории которого находятся служащие Российской армии. В Зоне содержится контингент пожизненно осужденных, за преступления, не поддающиеся анализу по жестокости и бессмысленности. Они добывают ценную радиоактивную руду в шахтах. – Увидев искренний интерес к своему рассказу, Григорий уже с большей симпатией поглядывал на девушку. – В Зоне я работаю начальником охраны, то есть фактически начальником Зоны. В звании подполковника. А ты?

– Я же говорила... только ты опять не обратил на мои слова внимания. В кинотеатре «Родина» я работаю старшим кассиром. – Аня достала чистый ажурный платочек, приложила к носу. – Как же они все дымят, эти машины.

– Да, воздух у нас в Зоне почище.

Анна увидела свое отражение в зеркале правого крыла. Лицо в частых прыщиках покрылось красными пятнами. Настроение упало, и она резко спросила:

– У вас на работу принимают?

– В смысле? – Григорий отвлекся на секунду на девушку в короткой юбке под песочным жилетом. Но кроме стройных ног, в девушке ничего интересного не оказалось. Обернувшись, оказалась страшненькой и болтала по телефону на тему: «На вязанных шапках в бренде вуальки, на блузке у Ленки жуткое низкое декольте и этот Борис мне не понравился, тупой и без денег».

– Я могу приехать в Якутию и устроиться на работу? – Настаивала Анна.

– Кем, Аня? – Григорий впервые улыбнулся девушке. – У нас особая Зона, в неё по своей воле не приезжают.

– А я хочу приехать. Мне, Григорий, все равно мало осталось, и в Москве я никому, кроме родителей, не нужна, а хочется своей собственной жизни. – Аня смотрела прямо перед собой, пытаясь не разреветься. – Стыдно сказать, рискуя умереть девственницей. И это в двадцать шесть лет!

– Да ладно тебе переживать. Ты симпатичная... – Гриша почти не соврал. – Подлечишься и – вперед. А прыщики – это возрастное...

От корявого, но все-таки комплимента Ане расхотелось плакать, но тянуло разъяснить ситуацию до конца.

– Мой внешний вид прыщавого подростка-девочки – это у меня окончательное. Это у меня мама в беременность облучилась. – Анна всё-таки не сдержалась и всхлипнула. – Они с папой вместе работали в Курчатовском институте. На маме ничего не отразилось, все пошло в плод. В меня.

Как-то по-особенному посмотрев на Анну, Григорий пробормотал:

– Ты говоришь о себе страшные вещи.

– Зато честно. – Аня улыбнулась. – А вы в веселом месте, наверное, работаете и живете?

Григорий по-дружески хлопнул Аню по коленке.

– У нас сложная работа, но служба есть служба. А ребята подобрались очень хорошие. Но у них есть жены, и вечерами моих друзей растаскивают по домам. Приходится иногда скучать. Машина набрала скорость, они выехали на набережную, к Каменному мосту.

* * *

На третий этаж Григорий внес Анну на руках. Прислонившись к косяку двери, их ждала мама Анны, Валерия Николаевна. Григорий чуть не выронил Анну от удивления. Валерия Николаевна была гораздо выше дочери и пугающе красива.

Мама посмотрела на забинтованные ноги дочери под распахнутым пальто, побледнела и широко открыла дверь.

– Проходите, пожалуйста.

Войдя, Григорий остановился, ориентируясь, куда нести Анну. Уже по коридору было понятно, что квартира принадлежит людям не только обеспеченным, но и с большим вкусом.

Валентина Николаевна распахнула дверь дальней комнаты.

– Сюда проходите. И, пожалуйста, побыстрее, надо успеть перебинтовать ее до прихода отца. Он может упасть в обморок.

Григорий положил Анну на диван и попрощался: «Вы извините, у меня дела...» От чая отказался.

Он вышел из квартиры, захлопнул за собой дверь и легко сбежал вниз.

В квартире этажом ниже, стоящий у окна худощавый старик проводил машину взглядом. Поправив тьюль артритными пальцами, он обернулся к жене, смотрящей телевизор.

– Катенька, нашу соседку-заморыша уже носят на руках.

Старушка, в два раза меньше ростиком мужа, сделала громкость телевизора тише.

– Я просила тебя так девочку не называть.

Старик поморщился.

– Вот именно, что девочку. За восемь лет, что они здесь живут, она практически не выросла. А мне неприятно каждый день видеть инвалидку.

– Не повышай голоса, Стасик. – Семидесятилетняя Катенька откинулась к спинке кресла и улыбнулась. – А мне в ее присутствии всегда легче становится. Вот, например, сейчас я почувствовала, что она рядом, у меня суставы перестали ныть.

Стасик сел в соседнее кресло.

– Сначала ты потащила нас креститься в церковь на старости лет, а теперь еще и в мистику ударились. Мы сейчас какой сериал смотрим?

– Не знаю, Стасик. Везде стреляют, предают, выручают любимых. Играют одни и те же артисты. Я запуталась.

* * *

Лежа в своей комнате, Аня смотрела телевизор и тихонько плакала. Она впервые в жизни встретила настоящего мужчину, который с нею разговаривал как с женщиной и даже носил на руках.

В школе преподаватели обращались с нею как с маленькой. Друзей практически не было. Она дружила только с Мариной, с которой вынуждена была сидеть за одной партой. О дружбе с мальчиками не могло быть и речи. Как девушку ее не воспринимали, на физкультуру она не ходила, было освобождение на всю жизнь. Анна не могла пить алкоголь, зато очень хорошо училась. Как можно было с такой дружить?

Скорее всего, какой-нибудь отчаявшийся парень смог бы простить ей отличную учебу и заумные разговоры, но у нее грудь вышла из нулевого состояния только в одиннадцатом классе, а у Маринки к окончанию школы она разбухла до второго размера.

Дома Ане приходилось общаться с папиными друзьями, говорившими о физике и политике. Скука смертная, ей было не интересно ни то, ни другое, ей хотелось в клубы и на дни рождения. Она была два раза в клубе и пару раз на днях рождения и банкетах. Там ей становилось плохо, и она запиралась в туалете, испытывая головные боли и стыд за постоянную тошноту.

Мама советовала Ане поступить в авиационный или любой другой технический вуз, где большинство студентов юноши. И Аня даже доехала до Авиационной Академии, но, увидев множество парней, закомплексовала до обморока. Она реально оценила свое медицинское и психологическое состояние, представила, как глупо будет выглядеть на каждой лекции и подала документы... на заочный факультет Юридической Академии, где парней и девушек было пятьдесят на пятьдесят.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.